

Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 23 января 2019 г.

Текст: Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 241–250

- *Negra sombra*
- *L'iniziativa*

Слава...

«Ты во всем, и ты все для меня, и во мне ты живешь. Никогда не оставляй меня, тень, всегда застающая меня врасплох» (*Negra sombra*. Сл. и муз. Р. Де Кастро и Х. М. Капон). Это простейшее человеческое желание – чтобы стерлась разница между вещами важными и неважными. Но такое возможно, только когда и те и другие охвачены Присутствием, которое делает их новыми. Как говорится в тексте школы общины, сами мы не в состоянии преодолеть такое разделение: «Христианская святость противоположна понятию святости, свойственному всем остальным религиям, где она понимается как отделение от обычной, повседневной жизни» (С. 241). В отдельные моменты, когда происходит какое-то незаурядное событие, оно, возможно, напоминает нам о том, что «все священно», но потом мы возвращаемся к разделению. Поэтому перед нами – прекрасный вызов и даже больше – прекрасное обещание, что тот простейший опыт, о котором мы слышали в песне, может стать повседневным, ведь именно этого все мы желаем. Согласно христианским представлениям, «нет ничего профанного» (*Там же*), нет ничего незначительного, все может стать священным, то есть важным, решающим для жизни.

Но часто мы спрашиваем себя, как такое возможно. Как может стать священным обстоятельство, которое кажется нам ничего не значащим, не представляющим никакого интереса, бесполезным? Этот вопрос не может не волновать тех, кто действительно хочет жить, независимо от рода их деятельности или желаний, независимо от сложившихся у них представлений о святости, независимо от того, хотят они или не хотят быть святыми. Если любое обстоятельство способно стать священным, нас это не может не волновать! И это первый вызов, который школа общины бросает нашему пониманию святости, части весьма суженному, ханжескому, касающемуся лишь «супергероев» и не имеющему отношения к жизни, к нашей повседневности.

Одна женщина, которая не смогла сегодня приехать, пишет: «Когда мой сын по-настоящему злит меня (как случилось вчера, когда он не слушался и делал все по-своему), я спрашиваю себя: неужели даже это способно стать священным, то есть служить Христу?» Когда твой ребенок сводит тебя с ума, ты либо размазываешь его по стенке, либо вынуждена смотреть на него в истинном свете. И тогда он отсылает тебя ко Христу, Который есть истина о твоём сыне. Но часто мы не поддаемся на подобные провокации реальности, не позволяем ей расшевелить нас, и нам словно не достает какой-то детали. Какой?

По натуре я человек беспокойный, а в последнее время беспокоюсь особенно сильно по одной простой причине. Мое сердце стало словно каменное, все как будто проходит мимо, и мне не удастся удержать ничего из происходящего со мной. Вечером я ложусь спать, ясно ощущая печаль и глубокую нехватку. Естественно, я спросила себя о причинах этой печали и нехватки и не могла не признать, что они являются знаками, которые на другой лад говорят о моей реальной привязанности ко Христу. Тем не менее, кажется, мало признать то, о чем я тебе сейчас рассказала. Я не становлюсь радостнее и, по-моему, это не делает меня внимательнее в течение дня. Короче говоря, такое ощущение, что мое сердце так и остается каменным, за исключением моментов просветления в конце дня. Чего же тогда не хватает? Почему во мне не происходит никаких изменений? Я прочитала текст школы общины, но мне стоило большого труда понять его. В какой-то момент я и вовсе зашла в тупик, потому что мне начало

казаться, что святость предполагает добрых и правильных людей, которые не натываются на «препятствия, какими является грех». Я, однако, и не добрая, и не правильная. И поэтому святость представилась мне как нечто далекое и не слишком желанное, поскольку цель моей жизни не в том, чтобы быть «на высоте» (да у меня и не получилось бы)! Поэтому хочу спросить у тебя, по какому пути мне идти. Чего не хватает в моем опыте и чего я не вижу? Что значит для меня быть призванной к святости? В общем и целом я догадываюсь, что «недостающая деталь» – любовь ко Христу, которая должна возрастать...

Нужно оставлять такие вопросы открытыми и помнить, что в объяснениях мы не уловим то, в чем пытаемся разобраться. Ответы открываются нам только в опыте, и поэтому мы помогаем друг другу нашими свидетельствами. У всех нас есть то же искушение, что и у тебя: мы желаем «измерить» изменение. Мы говорим: «Ничего не меняется. У меня каменное сердце. Я ничего не понимаю. Не знаю, что такое эта святость». И тогда на первом плане неизменно оказывается то, чего нам не хватает. Но когда тебе грустно, когда внутри пустота, смотришь ли ты на твою грусть и нехватку как на что-то, что жалит тебя изнутри, чтобы ты могла вернуться к Нему? Может, в таком случае ты начала бы сознавать, что изменение уже происходит в тебе.

Что значит для тебя быть призванной к святости? Значит быть призванной по-настоящему жить твоей человечностью, быть призванной переживать все (нехватку, печаль, собственную непоследовательность и даже твое зло) в отношении со Христом. Суть не в том чтобы быть доброй и правильной: как раз потому, что ты не такая, ты должна позволить Ему объять каждое обстоятельство твоей жизни. Плачущий ребенок ищет маму не потому, что он молодец, а потому что нуждается в ней. Вопрос в том, становятся ли все твои нужды, даже самые банальные или элементарные, возможностью переживать отношение со Христом. Это и есть недостающая деталь. Ребенок не останавливается, когда у него не получается быть молодцом, он себе не создает лишних проблем: он плачет, поскольку нуждается в отношении, плача, он входит в отношение. Все служит для установления отношения. Точно так же и святость предполагает, что все, чем мы живем, способно превратиться в путь, стать священным, стать отношением. И мы должны увидеть это в реальности.

Пункт школы общины о святости прояснил для меня мой опыт. Говоря о чуде, отец Джуссани подчеркивает: «Чтобы чудо можно было считать призывом к Богу, в его функции должно входить наставление человеческого сознания» (ср. С. 247). Меня это поразило, поскольку чудо – не что-то само по себе сногшибательное...

Что значит «функция наставления человеческого сознания»?

Углубление моего сознания, благодаря которому я лучше понимаю, кто я.

Кто ты и для чего ты создана.

Без этого чудо не является чудом, поскольку не наставляет меня. Джуссани тут же уточняет, что заметить чудо можно, только если у меня есть «религиозный настрой, чувство собственной изначальной подчиненности», и что главная роль в вопросе принадлежит свободе, выбирающей между «самодостаточностью и зависимостью, между жизнью как утверждением себя и жизнь как утверждением Иного» (ср. Там же). И это меня поражает, поскольку лишь осознание моей изначальной подчиненности позволяет мне видеть чудеса, которые совершает Бог. Либо я ожидаю всего от Того Единственного, Кто в состоянии ответить на мою безграничную потребность в счастье (и так становлюсь нищей и внимательной к знакам), либо я обманываю саму себя, считая себя независимой и веря, будто к свершению меня ведет то, что я сама делаю, то есть я ошибочно полагаю, что в каком-то смысле я самодостаточна. Второй вариант очень быстро разочаровывает и приносит чувство горечи. Приведу маленький пример.

Я с друзьями устроила празднование сорокалетия нашей близкой подруги. Прекрасное место, множество гостей, шведский стол, игры, песни – все было продумано до мельчайших деталей. На следующий день одна знакомая спросила меня, довольна ли я праздником, и я ответила: «Я приехала на него очень уставшей и измотанной (в тот день после обеда я работала), но участие мгновение за мгновением в происходящем оживило меня, в том числе и физически! Но больше всего меня поразило (и именно это я запомню), что мы всё подготовили с большим вниманием, но случилось нечто большее, гораздо большее! И только это могло придать празднику полноты, а не горечи. Иными словами, я ожидала полноты не от того, что сделала я, но от Него одного, я ждала, чтобы Он сделал полным и истинным то, что сделала я». Потом, поскольку мне казалось, что я не очень хорошо объяснила, мне пришло в голову такое сравнение: «В антифоне офертория на мессе говорится: „Мы приносим Тебе то, что Ты нам дал, Ты же даруй нам Самого Себя“? Меня всегда впечатляла эта молитва, ведь речь о совершенно неравноценном обмене! «Я даю Тебе то, что Ты мне дал, а Ты взамен дай мне Самого Себя». Какая несоразмерность! Но лишь это соразмерно мне как человеку. Вот что произошло со мной во время праздника, благодаря чему я смогла насладиться им». Закончив говорить, я удивилась, и не только потому, что сказанное было до последнего слова истинным и соответствовало пережитому опыту. Я как будто поняла самую суть праздника, благодаря словам литургии. Когда отец Джуссани утверждает, что в христианстве нет ничего профанного, он подразумевает именно это. Почему, чтобы рассказать о празднике (о профанном!) я процитировала литургическую молитву? Потому, что она лучше всего остального описывала пережитый мной момент реальности, профанный момент, который уже не являлся таковым, то есть был священным. И я поняла: если жить так, то «вся реальность становится великим Божьим храмом» (С. 241).

В любой ситуации, не только когда чего-то недостает, но и когда есть все, когда, например, праздник удается на славу, если происходящее не отсылает нас дальше, к Тому Единственному, Который придает смысл всему, нам конец. «Я ожидала полноты не от того, что сделала я, но от Него одного, я ждала, чтобы Он сделал полным и истинным то, что сделала я». Часто нам кажется, что жизнь вгоняет нас в тоску, поскольку нам чего-то не хватает, а вот если бы вдруг вещи переменялись к лучшему, то и мы были бы в порядке. На самом же деле нет: даже когда все складывается «божественно», как порой говорят, а мы при этом не открываемся перед Тем Единственным, Кто может наполнить нашу жизнь, то мы не можем вслед за литургией сказать, что приносим Богу все наши дела, чтобы Он дал нам взамен Самого Себя. Но именно к этому мы призваны, чтобы все происходящее в жизни могло стать священным. Именно такой путь нам предложен. Почему? Потому что, чем дальше мы продвигаемся на этом уровне реальности – на уровне святости, тем интереснее становится жизнь, тем яснее, что нет ничего неважного, ничего профанного, все может быть священным, все может вводить нас в отношение с Тем Единственным, Кто в состоянии нам ответить.

Вот еще один вопрос, который мне прислали: «Прошу пояснить слово „литургия“», упомянутое в пункте про единство как строй жизни». Нет более прекрасного способа объяснить значение слова «литургия», чем тот, о котором мы только что слышали! Почему? Потому что глубину литургии мы понимаем не только когда идем на мессу, но и когда переживаем всю реальность согласно глубочайшей динамике того, что совершается во время мессы: мы приносим Христу хлеб и вино, а Он дает нам Самого Себя. Живя так, мы начинаем воспринимать реальность в совершенно ином свете, и она нас поражает. «Таким образом, – говорит отец Джуссани, – святость не отклонение от нормы [не что-то из ряда вон выходящее], она есть не что иное как человечность, реализующая себя согласно замыслу ее Творца. Святой – истинный человек». И почему он истинный? «Потому что прирастает к Богу» (ср. С. 241–242). Вопрос в том, можем ли мы во всем, чем живем, прирастать к Богу, идущему нам навстречу как раз в обстоятельствах нашей жизни.

Именно с этим мы должны разобраться шаг за шагом сегодня вечером. Что значит прирастать к Богу? Что значит святость как полная реализация собственной личности?

У меня вопрос в связи с мыслью о том, что «святой – это человек, который наиболее полно реализует собственную личность, становится тем, кем должен быть». О личности же чуть дальше говорится, что она «формируется в ясном сознании истины и в использовании собственной свободы» (ср. С. 242). Эти слова вновь заставили мое сердце желать, жаждать, чтобы моя жизнь не была бесполезной, чтобы она действительно могла реализоваться согласно «замыслу Того, Кто сотворил меня». В последнее время работа для меня играет две роли. С одной стороны, она выступает сильным союзником этого желания, поскольку побуждает меня к полезности, к самореализации. С другой, она часто порождает определенные схемы самореализации, и, если они не воплощаются в жизнь, кажется, что цель не достигнута. Когда я замечаю, что следую за схемами, я спрашиваю себя: благодаря чему формируется моя личность, чем определяется мое самосознание? Уже из-за возникающих у меня вопросов мне не кажутся проблемой представления о моей реализации с точки зрения, например, работы. Но мне нужно, чтобы при этом оставалось пространство для желания того «Ты», Которому я принадлежу. Хочу спросить: по каким показателям ты понимаешь, что реализация твоей личности происходит согласно замыслу Божию, даже когда она не совпадает ни с одной из твоих собственных проекций самореализации?

А по-твоему, что указывает на реализацию твоей личности? Рассмотрим твой пример с работой. Что в большей мере реализует твою личность: реальность как союзник или же как схема?

Реальность как союзник, потому что она открывает меня.

Открывает перед чем?

Прежде всего она позволяет мне вновь признать саму себя тайной, тогда как в случае со схемой я просто должна воплотить ее в жизнь.

Мы знаем, что реализуем нашу личность, когда, как говорит Джуссани и как ты процитировала, у нас есть ясное сознание истины и когда мы должным образом используем собственную свободу. Когда я по-настоящему осознаю сам себя: когда живу в рамках некоей схемы и задыхаюсь или когда мое сознание о реальности позволяет мне дышать полной грудью? Вот в чем вопрос. По чему это видно? Для меня одна из самых потрясающих фраз в этой главе следующая: «Святой... ежеминутно актуализирует присутствие Христа [то есть мало-помалу в каждое мгновение, постоянно живет в присутствии Христовом], потому что Он очевидным образом определяет действия человека». Из чего это заметно? «Святой в полной мере владеет самим собой» (ср. С. 242). Что это значит? Читая эту фразу, которая мне безумно нравится, я всегда вспоминаю персонажа Грэма Грина, у которого был прямо противоположный опыт: «Для меня нет настоящего – оно либо в прошлом году, либо на будущей неделе» (Г. Грин. *Конец одного романа*. Пер. Н. Трауберг). Этот человек никогда не совпадал с самим собой, не присутствовал в момент, который переживал.

Одним словом, когда я должным образом осознаю реальность, я полностью владею собой в том, чем живу, присутствую в этом. Подумайте, сколько раз за сегодня вы присутствовали в том, чем жили, и сколько раз, напротив, ждали, пока что-то закончится, чтобы «начать жить». Тогда вы поймете, насколько интересна перспектива, предлагаемая отцом Джуссани. В большинстве случаев мы, вместо того чтобы ясно осознавать себя, присутствовать в том, чем мы живем, лишь ждем, пока что-то закончится, чтобы начать жить тем, что, по нашим представлениям, является жизнью. На самом же деле, когда человек переживает все, владея собой, то есть с самосознанием, распахнутым перед происходящим, он дышит. И даже если он устал физически, это дает ему

отдохновение, поскольку он живет полноценно. И тогда становится понятной суть святости, поскольку истинная личность реализует себя, то есть осуществляет замысел, по которому она сотворена. А каков замысел, по которому мы сотворены? Счастье. И потому два показателя – это самосознание как *ясное сознание истины* и использование собственной свободы как *власть над собой*. Но часто это слишком для нас, настолько слишком, что мы не верим, что это может стать нашим опытом.

Хочу вместе с тобой пересмотреть несколько мыслей из текста школы общины. На с. 242 говорится: «Вся человеческая деятельность исполняется значения: всякий поступок [я подчеркиваю слово «всякий»], даже самый, казалось бы, маловажный, обретает достоинство великого деяния». На с. 245 сказано: «С этой точки зрения, чудом является все» [я подчеркиваю слово «все»]. Мы [я могу сказать: я] не замечаем этого, потому что живем словно за рамками образующей нас первоосновы и стремимся устранить самих себя из изначальной связи с объективной реальностью. Когда я прочитал эти фразы, у меня возникло своего рода возражение, вопрос, если использовать чуть более высокое слово.

Это проявление нашего скептицизма.

Именно. Поэтому я написал тебе и спросил: «Не преувеличиваем ли и не впадаем ли в чрезмерный оптимизм, когда говорим, что любая вещь и любое действие – чудо?» Или еще я не понял, что значат слова на с. 248: «Без предварительной, хотя бы неявной симпатии по отношению к Богу невозможно воспринять событие как чудо».

Начнем с первого вопроса, а потом дойдем и до второго. Когда ты говоришь: «Не преувеличиваем ли и не впадаем ли в чрезмерный оптимизм?» – кто отвечает на этот вопрос как никто другой?

Мой опыт.

Опыт? Нет! Тогда бы у тебя не возникло возражений. Кто заставляет нас усомниться в нашем скептицизме?

Свидетели...

Святые! Святые отвечают на наши возражения! Ясный пример, приведенный отцом Джуссани, – Герман калека. В его жизни нашлось бы место любым нашим возражениям.

Да-да.

Мысль о том, что любое действие может стать значимым, кажется тебе чрезмерно оптимистичной?

Немного наивной, неосуществимой.

Это все равно что сказать: «Она надуманна, фантастична, такого в жизни не бывает, это аномалия». И вот перед нами человек, на фоне которого вся твоя хандра – просто ничто, если посмотреть, как описывает его Мартиндейл. И тем не менее он свидетельствует нам о том, насколько возможно, чтобы каждое действие, даже простейшее, обретало бесконечную ценность. Поэтому, если мы попадаем в ловушку собственной меры, нужно хотя бы на миллиметр приоткрыть для себя возможность такого опыта, каким жил Герман, у которого трудностей было гораздо больше, чем у нас. Никакие аргументы не переселят подобный факт.

Мартиндейл пишет: «За всю его жизнь не было ни одного мгновения, когда он чувствовал бы себя „комфортно“ или хотя бы испытывал боль ...» (С. 243). Никто из нас не может так сказать о своей жизни, но суть не в этом. Что мы видим в Германе? Не утверждение его морализма, а «торжество веры, внушавшей любовь, и любви, верной исповедуемой вере». Джуссани заключает: «Все может преобразиться [даже то, что кажется нам безнадежным – настолько, что мы говорим о чрезмерном оптимизме]... если переживается в отношении с истинной реальностью, если... „жертвуется Богу“» (ср. С. 244).

Подлинный вызов сегодняшней школы общины в том, что все, буквально все, даже то, что кажется нам совершенно профанным (обстоятельства, боль, жизнь), все может преобразиться. Кто-то скажет: «Это слишком оптимистично, даже и проверять не буду, так ли оно на самом деле, и сразу вычеркну». Но так человек теряет шанс на собственном опыте проверить то, что христианство принесло в жизнь. Кого из нас не интересует полноценность собственной жизни, что бы мы там ни думали о святости? Есть те, кому дела нет до святости: «Я не хочу быть святым, я даже не в состоянии представить, что это значит, и у меня не хватит на это силы воли». Но любому человеку хотелось бы, чтобы все в жизни становилось полноценным, каждому из нас, собравшихся здесь, это интересно. Вот в этом-то и заключается святость. Проблема в том, что часто мы не знаем, как достичь такой полноты, и заходим в тупик.

Для меня большим вызовом стало одно недавнее обстоятельство. Папа моей подруги очень болен, и эта новость, как гром среди ясного неба, потрясла всех. В то же время я прочитала только что процитированный отрывок школы общины о Германе калеке, где говорится: «Все может преображаться и чудесно являть результаты этого преображения, если переживается в отношении с истинной реальностью, если, как говорит христианская традиция, „жертвуется Богу“» (ср. С. 244). Эта фраза не оставляла меня в покое. Если я думаю о «преображении», о «результатах» преображения, а значит и о чуде, то единственный сценарий, который мне удастся вообразить, оканчивается исцелением (о чем мы к тому же непрестанно просим). Однако, поскольку исцеление может и не наступить (нужно начать рассматривать и такой вариант), у меня остается сомнение: не говорим ли мы, что «все может преобразиться, в том числе страдание, болезнь и т. д.», только потому, что альтернатива «исцеление или смерть» просто убийственна? Мы крепко держимся за этот «утешительный бонус», чтобы как-то стерпеть с болью, которая иначе была бы невыносимой. С другой стороны, я понимаю, что словами и самовнушением не заглушить внутренний скрежет, который вызывает во мне фраза Джуссани. Как же преодолеть эту стену?

А как по-твоему?

Я сюда специально за ответом пришла!

Когда реальность бросает нам вызов, вера, опыт, который она нам предлагает, кажется нам таким бонусом, который не в состоянии преобразить все. Что с этим делать? Ты продолжишь говорить, что это бонус, а я с тобой не соглашусь? Нет, нужно только одно: проверять, является ли история Германа калеки бонусом или же это опыт, доступный и нам. Нужно проверять, действительно ли все может преобразиться, если переживается в отношении с истинной реальностью, то есть если мы живем открытыми перед Христом. Как Тайна разрушает наши схемы, как она выводит нас из тупика нашей меры, не позволяющей нам распахнуть взгляд? С помощью таинственной, но абсолютно реальной и мощной инициативы, которая позволяет нам замечать то, что казалось невозможным.

Один человек, который не смог сегодня приехать, написал мне и рассказал об очень болезненной ситуации в семье и о том, как он постепенно стал впускать в свою жизнь присутствие Христа. «Все изменилось в тот день, когда я ответил да Господу [он стал преображаться, когда начал говорить да], то есть когда сказал Ему: „Я в деле. Не знаю, как такое возможно, [мой разум

не мера всего, я не знаю, как такое возможно, не понимаю, как такое возможно], но догадываюсь [допускаю возможность], что для меня благо проходит через эту болезненную ситуацию, и я нуждаюсь в Тебе, чтобы переживать ее. Помоги мне искать Тебя каждый день и в каждом обстоятельстве». Он позволяет Ему войти в обстоятельства жизни и воспринимает Его уже не как бонус, не как плод самовнушения, но как нечто реальное. «По-моему, это и есть стократное воздаяние здесь и сейчас, которое Господь приберет для меня, хотя, когда я так говорю, у меня и подкашиваются ноги. Думаю, именно в этом и состоит чудо: то, что для меня было лишь чем-то отрицательным (тяжелое обстоятельство), представляет собой необходимое средство, которым Бог воспользовался, чтобы открыть мне глаза и позволить мне по-настоящему взглянуть на мою ситуацию и на окружающую реальность». Тайна может допустить тяжелые обстоятельства, но если мы переживаем их с Ним, если говорим Ему да, если следуем тому, как Он ведет нас к судьбе, наш взгляд становится шире, наши глаза раскрываются, и мы видим окружающую нас реальность, истинную реальность. Письмо продолжается: «Я понимаю: то, что может показаться парадоксом, в действительности есть подлинная жизнь, на которую я смотрю не с точки зрения моих мерок, а отдаваясь тому нежному объятию, которое я столь сильно ощущаю сегодня на себе и на моей семье. Какая благодать!» Все меняется в тот момент, когда мы разрешаем Ему войти в нашу жизнь. И это рассказывает не Герман калека, а всего лишь один из нас, человек, который, оказавшись перед жизненным вызовом, поступил так же, как поступал Герман. Так он начал замечать знаки, то, чего раньше не видел, и воспринимать обстоятельства иначе: из отрицательных они превратились в средство наставления, которое мы упомянули ранее. «Бог стал близким жизни человека: Его отношение с ним выражается в близости, ощутимой через чудо. Поэтому чудо – метод повседневного отношения Бога с нами, способ, благодаря которому Он становится объективным в преходящем» (ср. С. 244). Смотри на реальность таким образом, мы начинаем испытывать то, о чем говорится в школе общины: все становится чудом.

Хочу рассказать об одном случае на работе, позволившем мне пережить опыт, который в тексте школы общины описывается в связи с чудом. Я работаю в онкологическом центре. Несколько дней назад мы начали паллиативную терапию для молодой женщины в терминальной стадии рака. У нее очень непростая семейная история и двое маленьких детей. Когда она к нам поступила, я и мои коллеги были настолько ошарашены серьезностью происходившего перед нами и нашей беспомощностью, что нас охватило молчание. Мы даже не могли взглянуть ей в глаза. Мне было очень больно за нее, и я не могла не думать о ней и о ее семье. Мне казалось, что я в клетке боли, из которой нет выхода. И возвращаясь на машине домой, я сказала Иисусу, что очень сердита на Него и что Он не мог допустить, чтобы такая молодая мама так сильно страдала. Потом я приехала домой, и мой парень, с которым я поделилась происходящим, сказал помолиться о той женщине. А я ответила: «Да ни за что, я с Иисусом не разговариваю, я слишком на Него сердита!» После обеда я читала школу общины и на пункте про чудо буквально взбунтовалась. Я подумала: «Нет, то, что я увидела сегодня утром, не может быть чудом, это трагедия». Правда, меня ранили в самое сердце слова отца Джуссани о том, что «мы доходим до того, что выдаем за критическую позицию обычную черствость» (ср. С. 245).

Будьте внимательны! То, что мы зовем критической позицией, то есть реализмом, – не более чем черствость. Понимаете разницу?

И это была чистая правда! Я упорствовала в моей позиции, казавшейся мне правильной, более разумной, более реалистичной. Но она была ограниченной...

Ограниченной, а значит черствой!

Она не была до конца истинной. Я догадалась об этом по предупредительному сигналу.

Смотрите: появляются сигналы. Опыт не позволяет нам идти слишком далеко без предупредительных сигналов. И что это за сигналы?

Моя позиция не приносила мне ни успокоения, ни утешения.

«Ни успокоения, ни утешения».

А когда твоя позиция перед реальностью заводит тебя в тупик, а не освобождает, значит, чего-то не хватает, что-то пошло не так.

Чтобы понять это, не нужно оканчивать спецкурс в Гарварде, достаточно приглядеться к сигналам реальности.

Именно так я себя и чувствовала. Читая Джуссани, который описывает связь Иисуса с Отцом как предельно ясную, я начала смотреть на себя, смотреть, как смотришь на себя в зеркало, и в одно мгновение вдруг стали очевидными все те случаи, когда я по благодати и сама пережила подобную ясность, они как никогда живо предстали передо мной, словно я допустила такую возможность и в тот момент. И я расплакалась от взволнованности, поскольку получила опыт утешения, вырвавший меня из моей замкнутости. И та молодая женщина стала для меня настоящим чудом, потому что реальность является чудом, не когда я могу ее подогнать под мою мерку или вылепить на мой вкус; чудом является метод повседневного отношения Бога с нами, способ, благодаря которому Он становится объективным в преходящем». Бог через ту женщину вошел в мою жизнь.

Видите? Необходимо бороться с черствым отношением к реальности, которое мы зовем критической позицией и которое застилает наш взгляд. В такие моменты тут же появляются предупредительные сигналы: в нас нет ни успокоения, ни утешения. Альтернатива – открытость и, как следствие, – противоположность черствости. И что это за противоположность, по мнению Джуссани? Предельная ясность, с которой реальность предстает перед нашими глазами и которую переживал Иисус. И это не моралистическая проблема, а проблема отношения к реальности. И тут не требуются какие-то особые дарования или силы, нужно просто распахнуть взгляд, чтобы увидеть реальность так, как она разворачивается перед тобой. Тебе достаточно было впустить в твою жизнь такой взгляд в твою жизнь, и ты не могла не расплакаться от растроганности. Ничего общего с бонусами! Вот объективное отношение Бога с нами. Как же приучать себя к жизни в такой ясности? Каким образом она достигается, как становится нашей повседневностью?

«Так, чем больше человек живет верой в присутствие Христа в Церкви, тем сильнее изумляют его знамения Божьи – даже в самой незаметной ситуации, даже при возникновении самой сокровенной мысли. И тогда не нужен какой-то особый шок, чтобы напомнить о великом истоке, образующем жизнь, хватит и самого обычного мгновения» (ср. С. 245).

Понимаете? Не нужен шок, не нужны голливудские спецэффекты, чтобы нас поразить, достаточно самого обычного мгновения.

То, что я видел в последний год, стало своего рода подтверждением догадки, которая неоднократно возникала у меня в отношении христианства и Движения: нет ничего машинального, а когда тебе помогают, все еще проще и еще прекраснее. И это не пустые слова. Я по ряду причин отдалился от Движения, отдалился, потому что не мог принять непрерывный ход жизни, то, что я не все знаю и что не на все есть ответ. И я видел, что жизнь

идет вперед именно так, и ощущал неудовлетворенность. Итак, важное открытие этого года заключалось в том, чтоб заметить, что события происходят и мне достаточно быть внимательным.

Внимание! «Настоящее открытие заключалось в том, чтоб заметить, что события происходят», то есть в том, чтобы заметить происходящее чудо. Правильно?

Да. Приведу два примера. Я изучаю физическую культуру и начал стажировку в центре реабилитации для пациентов с приобретенными повреждениями мозга, то есть я занимаюсь с людьми, у которых серьезные проблемы со здоровьем. Вначале я был очень доволен, потому что это прекрасное место. Но постепенно, хотя у меня и оставались какие-то ожидания в связи с работой, желание идти туда становилось все меньше. Но если я сохраняю позицию ожидания, всегда что-то происходит и удивляет меня. То же самое происходит на футбольных тренировках с детьми, которые я часто провожу с мыслью о том, что должен научить их всему наилучшим образом, что занятия должны длиться определенное время и т. д., но постепенно все мои схемы разрушаются. И когда я смотрю на то, что мне предлагают дети, что они позволяют мне увидеть, то и тренировки становятся интереснее. Всем этим я хотел сказать, что в череде событий, случившихся и случающихся, компания некоторых людей (моей девушки и университетских друзей) принципиальна для того, чтобы пытаться ничего не упустить из виду. Без нее я бы до сих пор оставался на уровне прошлого года. Однако (к сожалению, существует «однако»), несмотря на это, порой мне очень сложно смотреть и доверяться. Я хотел бы быть уверенным, что этот «метод» стоящий, но такой уверенности во мне пока нет, и меня это не радует.

Кое-какие советы по поводу достижения такой уверенности ты сегодня вечером уже услышал. Вопрос в том, следуешь ли ты за инициативой Тайны по отношению к тебе. Нужно дать себе необходимое время. В этом смысле ты процитировал основополагающую с воспитательной точки зрения фразу: «Чем больше человек живет верой в присутствие Христа в Церкви», тем проще ему различить знаки Божьи даже в самых незаметных ситуациях

В воскресенье вечером я ходил на Концерт для оркестра Бартока, венгерского композитора, жившего в XIX–XX вв. Вся третья часть этого произведения пронизана настойчивым звучанием одной яркой ноты («си», если быть точными), исполняемой флейтой-пикколо, с которой каждая группа инструментов (смычковые, духовые) поочередно входит в диалог. Больше всего меня поразило то, что происходило с моим восприятием: пока я слушал, все мое внимание было сосредоточено на флейте, именно она была для меня главной героиней всего исполнения. В той точке, в той единственной ноте разворачивалась драматичная борьба. С одной стороны, я мог бросить все усилия моего внимания на одну деталь, отвлекаясь от остального и теряя таким образом исполнение в целом. С другой, я мог использовать эту ноту как фокус, как линзу, чтобы слушать остальные части оркестра, которые входили в диалог с ней. Вероятно, по мысли Бартока, центральное место этой ноты объясняется только с точки зрения ее роли для всего отрывка, поскольку она, пронизывая его, делает его единым. Благодаря ей можно было понять все. Этот, казалось бы, незначительный факт (хотя я очень люблю музыку) вспомнился мне на следующее утро. По пути в университет я встретил одну подругу, которая узнала о внезапной смерти мамы своего друга и была сама не своя. Меня потряс рассказ о сложной семейной ситуации и о том, какой молодой была та женщина. Растерянный, я на несколько мгновений замер, сосредоточившись на смерти, на одной этой точке, прямо как на ноте си из третьей части концерта Бартока. Смерть – точка, которая из-за своей остроты становится всем. И я спросил себя: но что если она не все? Что если она лишь точка (пусть и ужасная), глядя на которую, «глаз стремится охватить и все остальное» (С. 245), как говорится в школе общины? В этом вопросе разворачивается та же самая борьба: либо точка реальности, находящаяся

передо мной, есть «все», либо она есть связь со всем, место, где «Бог принуждает меня обратиться на Него внимание». Это и есть чудо. В этой борьбе побеждается «дефект, сужающий наш взгляд», из-за которого я часто забываю об отношении отдельной точки реальности с целым. Борьба, однако, закончилась не в моих мыслях, а перед лицом фактов: готовности, с какой моя подруга отправилась в другой город, чтобы поддержать своего друга, который был в больнице один, скорости, с какой все друзья из группы Братства нашли способ, чтобы быть рядом с ним, молитвы Розария, организованной в тот же вечер. Та отдельная точка, сама по себе невыносимая, обрела новый ракурс, позволяющий принимать все вещи как нечто новое, как данность. Учитывая сказанное, я понимаю слова из текста школы общины: «Чудом является все» (С. 245). Даже музыкальная нота из концерта, если переживать ее в отношении с образующей меня первоосновой, способна принудить меня обращать внимание на Бога всегда, даже перед лицом смерти.

Когда человек начинает переживать такой опыт, в нем со всей очевидностью проявляется желание.

Меня поразила история, которую ты рассказал в недавнем интервью газете «Corriere della Sera», о человеке, который расплакался, когда в центре по приему мигрантов его спросили, что он хочет на обед, рыбу или мясо. Почему? Потому что в школе общины отец Джуссани говорит о чуде как о «некой особой стороне событий, непреложно напоминающей о Боге», а далее уточняет: «Другие могут увидеть в этих вещах лишь банальность, с легкостью воспринять их как должное, истолковать как случайность, но для человека, с которым они случаются, это мощный призыв» (ср. С. 246). В силу жизненного опыта, сложившегося у того человека, простейший, в наших глазах обыденный факт, позволил ему уловить нечто иное, своего рода чудо в том факте, что кто-то так посмотрел на него и тем самым изумил и растрогал его. Мой вопрос как раз об этом, поскольку и со мной бывает то же самое. Когда в той или иной ситуации или в личном или рабочем отношении я дохожу до ручки и не знаю, как выбраться из тупика, я вдруг с небывалой ясностью замечаю, что не я творю реальность, ведь события складываются совсем не так, как мне хотелось бы. И тогда я становлюсь «нищей», потому что у меня нет никакой инструкции, сама я не справляюсь, и мне волей-неволей приходится опираться на Того, в Чьей руке моя жизнь (в такие моменты это особенно очевидно). И тогда я начинаю молить об ответе, о том, чтобы что-то произошло и пролило свет на то, с чем я не могу разобраться. В такие моменты я обращаю внимание на все, и странным образом всегда что-то происходит (я слышу строчку из вечерней молитвы, или слово, невзначай оброненное другом) и так полно, так истинно отвечает на мой вопрос, что я неизбежно задумываюсь об инициативе Бога, о том, что все это не случайно и именно для меня. Это позволяет мне начинать заново. Часто проблемы не разрешаются, но моя позиция по отношению к ситуации меняется точно. Я желаю для себя такого чуда ежеминутно. Я хочу, чтобы Бог всегда оказывал мне такое предпочтение. Отец Джуссани именно в этой связи говорит: «Чем сознательнее и живее человек ощущает связь с Иным... тем в большей мере все склонно становится для него чудом» (ср. С. 245). Что же помогает мне занимать такую позицию и пребывать в ожидании так, чтобы оно не перерастало в претензию?

Как Тайна помогает тебе? Почему интервью о мигрантах именно сейчас стало для тебя таким важным?

Меня поразило, что то же самое происходит и со мной, когда я нахожусь в такой же позиции, как тот человек, когда становлюсь нищей...

То есть когда признаешь твою зависимость.

Именно.

Зависимость, а не самодостаточность. Мы все узнаем себя в твоих словах: «Я желаю для себя такого чуда ежеминутно». Мы хотим переживать реальность в такой предельной ясности, в какой в каждое мгновение жил Иисус. Почему? Потому что жизнь становится совершенно другой! Вот тогда-то святость и начинает интересовать нас. И каким же методом пользуется Бог? «Существуют и те особые моменты, когда Бог... призывает отдельного человека». Это мы видим в чудесах, об этом говорит святой Августин, размышляя о чуде в Кане Галилейской, о котором мы недавно слышали в чтении Евангелия: «Бог как бы оставил за Собой право совершать некоторые необычайные деяния, чтобы страсти с людьми духовную лень и новыми чудесами призвать их к Его почитанию» (*Рассуждения на Евангелие от Иоанна*, 8). В чем ценность этих особых моментов, с помощью которых Бог воспитывает нас, наставляет, как мы сказали ранее, наше сознание? В такие моменты расширяются границы нашего разума, чтобы мы могли увидеть происходящее чудо. При каком условии мы можем его увидеть? Одних чудес мало, ведь часто они происходят прямо перед нами, но мы их не видим. Нужна (и тут я отвечаю на второй вопрос, заданный нашим другом) открытость, симпатия, поскольку «без... хотя бы неявной симпатии по отношению к Богу невозможно воспринять событие как чудо» (ср. С. 248). Когда ее нет, наше зрение поражено дефектом, не позволяющим видеть. В этом и состоит воспитательное значение деяний Бога: они распахивают нас, позволяя увидеть то, что происходит перед нашими глазами. От нас же требуется «обязательство... готовность, которые должны вести... [нас] к открытости перед опытным существованием события, не сводимого к категориям чисто рациональной или научной мудрости». Вот увлекательный путь, по которому мы идем. Кто не хочет упустить происходящие перед нами чудеса, которые мы из-за нашей черствости и неясного сознания часто не замечаем, должен следовать за тем, что приучает нас смотреть Его взглядом. В результате постепенно мы начинаем замечать и в себе взгляд Иисуса, каким он смотрел на полевые лилии или на птиц небесных: все для Него было исполнено жизни, и именно так Тайна Отца делала все происходящее событием. И все превращалось в чудо.

Следующая школа общины состоится в среду, 20 февраля. Мы продолжим работать над главой «Дерево познается по плоду» из книги «Зачем Церковь» и рассмотрим две другие характеристики святости (С. 250–254).

В ближайшее время в Италии и за рубежом будут отслужены святые мессы по случаю годовщины признания Братства Святым Престолом и смерти отца Джуссани. Это жест благодарности за все, что мы получили в нашей компании, и возможность просить о том, чтобы всегда оставаться верными этому дару.

Veni Sancte Spiritus

Всем доброго вечера!